

Приближался праздник Чунъян, и весь день Хуа Чжаошуй проводил в Западном саду, занимаясь тренировками. В последнее время он не уделял должного внимания практике, и его навыки заметно ослабли, за что он не раз получал выговоры. Однако по сравнению с прошлым это было еще терпимо — наставник лишь символически пару раз ударил его прутом, не применяя особой силы.

После полудня в Западный сад прибыл необычный гость, и атмосфера вокруг сразу изменилась. Хуа Чжаошуй, заинтересовавшись, выглянул из-за угла и, увидев, что человек направляется в его сторону, поспешно отступил назад, делая вид, что ничего не заметил.

Наставник, сопровождающий гостя, внезапно подошел и дернул Хуа Чжаошуя за рукав.

— Сун-лаобан хочет тебя видеть. Будь осторожен в словах.

Хуа Чжаошуй кивнул, и вдруг вспомнил, кто это был — не кто иной, как самый знаменитый актер города Цзинъюнь, Сун Юньюэ, Сун-лаобан. Этот господин несколько раз навещал А Ин, каждый раз принося с собой вкусные угощения. Он был человеком мягким и учтивым, говорил тихо и спокойно.

Однако в последние годы он редко появлялся, и воспоминания о нем у Хуа Чжаошуя стали несколько смутными.

Войдя в боковую комнату, Хуа Чжаошуй увидел, что Сун-лаобан сидит и ждет его. Он поспешил подойти и поклониться, подняв глаза, он встретился с его ярким взглядом, отчего почувствовал себя неловко.

Сун Юньюэ улыбнулся ему, взял за руку.

— Не волнуйся. Я проездом, и Юнь Цин попросила меня навестить тебя. Тебе уже семнадцать лет, да?

Казалось, Сун-лаобан снова забыл, что А Ин не любит, когда ее называют Юнь Цин, но Хуа Чжаошуй ничего не сказал, лишь кивнул.

Сун Юньюэ отпустил его руку.

— Я только что услышал, как ты поешь. У тебя прекрасный голос, не уступающий твоей матери в молодости. Ты когда-нибудь слышал, как Юнь Цин поет?

— Нет, — ответил Хуа Чжаошуй. — Мама говорила, что ее голос испортился, и она больше не может петь.

Глаза Суна, прежде светящиеся улыбкой, потускнели, и в них появилась странная эмоция, отчего он выглядел старше. Казалось, он хотел сказать многое, но тема внезапно оборвалась. Сун Юньюэ больше не упоминал А Ин, вместо этого сказав:

— Я пришел, чтобы обсудить с вашей госпожой твой уход. Твоя мать говорила мне, что хочет выкупить твою купчую и перевести тебя в мою труппу. Но я подумал, что, раз уж ты все равно уйдешь, я могу сам тебя выкупить и избавить от лишних хлопот. Как думаешь?

Хуа Чжаошуй не понимал всех тонкостей этой ситуации, но мысль о том, что он сможет уйти, радовала его. Он улыбнулся.

— Если Сун-лаобан не считает меня глупым и хочет выкупить меня, я, конечно, согласен.

Он давно жил в этом доме и привык говорить льстивые слова, чтобы угодить, но, к его удивлению, Сун Юньюэ, услышав это, выглядел скорее огорченным, чем довольным.

Сун Юньюэ помолчал, прежде чем сказать:

— Мне нужно сначала обсудить это с госпожой. Хотя семья Шэн гордится своей репутацией и не станет принуждать тебя, формальности все же нужно соблюсти. Тебе придется подождать пару дней.

Хуа Чжаошуй согласился, и, когда Сун собрался уходить, вдруг добавил:

— Сун-лаобан, на самом деле... у меня есть еще одна просьба. Не знаю, говорила ли мама об этом.

Сун Юньюэ повернулся, давая ему продолжить.

Хуа Чжаошуй замялся, его щеки покраснели, прежде чем он смог выговорить:

— Это касается нашего молодого господина... Не могли бы вы не говорить ему? Боюсь, если он рассердится, я не смогу уйти.

Сун Юньюэ понимающе улыбнулся, погладил его по голове.

— Я знаю. Не беспокойся, мы обойдем его.

Хуа Чжаошуй все же волновался и не удержался от вопроса:

— Наш молодой господин очень строгий. Я действительно боюсь его. Вы уверены, что он не узнает?

Сун Юньюэ успокоил его:

— Не переживай. Его отец еще должен считаться со мной, не говоря уже о молодом господине. Даже если он рассердится, он не сможет просто забрать тебя у меня.

Услышав это, Хуа Чжаошуй немного успокоился, поблагодарил и проводил его.

В тот вечер Хуа Чжаошуй вернулся из Западного сада уже поздно. Он тихо умылся и вошел в комнату, внутренне радуясь, что наконец-то не придется осторожно прислуживать и ложиться спать вместе с господином.

Но едва он прилег на свою кровать, как из внутренней комнаты раздался голос:

— Два дня не виделись, и у тебя уже новые правила?

Хуа Чжаошуй почувствовал, будто его окатили ледяной водой. Он с трудом собрался с силами и ответил, направляясь в спальню:

— Я думал, что молодой господин уже спит, и не хотел беспокоить.

С этими словами он снял свою одежду и неохотно забрался на кровать господина, прижавшись к стене.

Обычно, если он спал так далеко, господин либо подзывал его ближе, либо сам притягивал. Но сегодня он молчал, и эта непривычная тишина лишь усиливала тревогу Хуа Чжаошуй. К тому же он скрывал свои планы, поэтому сам придвинулся ближе к господину.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него и, встретив его испуганный взгляд, усмехнулся:

— Ты всегда так боишься меня?

Хуа Чжаошуй улыбнулся.

— Когда молодой господин вернулся? Вчера я долго ждал, но вы не пришли.

— Не так давно.

— А...

Хуа Чжаошуй почувствовал, что сегодня господин не в настроении разговаривать, и смирился, молча молясь, чтобы тот оставался спокойным и не пытался приставать.

Но едва он закрыл глаза, готовясь уснуть, как господин снова заговорил:

— Ты говорил, что если я однажды перестану тебя любить, то что ты будешь делать. Так ведь?

Хуа Чжаошуй вздрогнул от неожиданности, испуганно глядя на него, и кивнул.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся, ласково погладив его по волосам:

— Знаешь, почему я сегодня так поздно вернулся?

Хуа Чжаошуй подумал.

— Вы были заняты во дворце?

Шэн Цзяньвэй ответил:

— Я смотрел дом. Только что купил его, поэтому задержался.

— Дом? Вы переезжаете?

— Для тебя.

Хуа Чжаошуй широко раскрыл глаза от удивления, запнувшись:

— Для... для меня? Молодой господин, вы, может быть, выпили?

Шэн Цзяньвэй спросил:

— Ты чувствуешь запах алкоголя?

Хуа Чжаошуй действительно приблизился и понюхал, прежде чем сказать:

— Кажется, нет...

Шэн Цзяньвэй усмехнулся:

— Раз ты боишься, дом будет для тебя надежнее всего. Завтра я дам тебе купчую на землю. Хочешь — оставь себе, не хочешь — продай. Как пожелаешь.

Хуа Чжаошуй был ошеломлен, и лишь через некоторое время смог выговорить:

— Молодой господин, когда вы дарите мне что-то, даже несколько лянов серебра кажутся мне огромной суммой, которую я копил бы годами. А теперь вы говорите о доме... Это слишком неожиданно...

Шэн Цзяньвэй схватил его за руку.

— Кто сказал, что это просто так? Я же сказал, завтра дам тебе купчую. Не веришь? Могу дать сейчас.

Хуа Чжаошуй поспешно ответил:

— Я не это имел в виду... Молодой господин щедр, но я не могу принять такой подарок. Если я возьму его, люди могут подумать, что я украл купчую у вас.

Шэн Цзяньвэй снова усмехнулся:

— С таким маленьким сердцем как у тебя, как ты хочешь заработать большие деньги?

— Молодой господин, у меня нет больших амбиций. Я просто хочу жить спокойно, — сказал Хуа Чжаошуй, глядя на него. — Прошу, не считайте меня глупым.

Шэн Цзяньвэй неожиданно смягчился.

— Мне не нужно, чтобы ты был умным. Достаточно, что ты послушный.

Хуа Чжаошуй прижался головой к его груди, и вдруг услышал птичий щебет снаружи. Он невольно вздрогнул и осторожно спросил:

— Молодой господин, на улице дождь? Может, перенести птиц в другое место, чтобы они не промокли?

Шэн Цзяньвэй не придавал этому значения, прижав его голову.

— Оставь их там. Иначе зачем я их купил?

Хуа Чжаошуй тихо вздохнул.

Шэн Цзяньвэй потер подбородком его макушку.

— О чем ты вздыхаешь?

Хуа Чжаошуй вздрогнул, осознав, что действительно вздохнул, и не знал, как оправдаться, поэтому промолчал.

— Если ты не хочешь купчую, то, может, я расскажу тебе секрет, дам тебе мое слабое место. Хочешь?

Хуа Чжаошуй снова был шокирован, не понимая, что сегодня случилось с господином. Такие слова он не смел слушать, и не хотел, боясь, что однажды господин может сгоряча избавиться

от него.

<http://bllate.org/book/16756/1562894>